

Wagner. Die Walküre

Anja Kampe, Jonas Kaufmann, Rene Pape, Nina Stemme, Mariinsky Orchestra, Valery Gergiev. UPC 822231852728 MAR0527.— 2013

«Валькирия» Валерия Гергиева стала началом первой в России записи вагнеровской эпопеи («Золото Рейна» появилось на полгода позже). Гергиев привлек самый звездный состав, который только можно найти в наши дни. Нельзя сказать, что все певцы — специалисты по Вагнеру с голосами Биргит Нильссон или Ханса Хоттера. Да и где таких сейчас найдешь? Но если судить по недавней записи Кристиана Тилемана из Венской оперы (2011) или вспомнить постановку в Метрополитен-опера с Йонасом Кауфманом (2011), Гергиев выбрал наиболее вагнеровские голоса из имеющихся.

Йонас Кауфман не мог не оказаться хорошим Зигмундом. Расчет верный: Кауфману удаются и мужественные, гневные интонации воина, и захлестывающая сила лирического чувства; его голосу достает звенящей стали, хотя преобладает мягкость, даже чувствительность романтического героя. Рядом с ним Аня Кемпе, — прекрасная Зиглинда, со всей ее уязвимостью и порывистостью. Близка ей оказалась Фрикка Екатерины Губановой — скорее обиженная жена, чем оскорбленная богиня, — пожалуй, наиболее удачное попадание в роль на этой записи.

Нина Stemme — убедительная Брунгильда; ее крепкий голос со стальной сердцевинной способен и на воинственный клич, и на смиренную мольбу. У Михаил Петренко получился довольно странный Хундинг: вместо угрожающего рыка — стать князя Греммина. Вотан у Рене Папе вышел скорее психологически подробный, чем мощный; временами он слишком мягок (например, в момент появления перед испуганными валькириями, когда он догоняет «преступницу» Брунгильду). Иногда Рене Папе являет подлинно божественное величие, а иногда ему просто не хватает голоса: при богатстве и глубине нижнего регистра верхний — напряженный и качающийся. Поэтому больше всего ему удалось лирические эпизоды вроде прощания с Брунгильдой в III акте.

Если бы запись состояла только из вокальных партий, это была бы отличная «Валькирия», пусть и без стенобитных вагнеровских голосов. Однако без оркестра Вагнер никак не получается. Звучание оркестра на записи прямо-таки роскошно, и в этом заслуга как оркестра, так и зву-

коррежиссера Владимира Рябенко. Гергиев постарался создать идеальный вагнеровский саунд, и во многом это ему удалось: налитые грозной мощью медные, на пиано превращающиеся в шепчущих великанов, изумительно красочные деревянные и густой лес струнных. Солисты-духовики (кларнет, бас-кларнет, английский рожок) являют чудеса филировки, игры звуковых оттенков и глубины тембра.

Все это звуковое великолепие можно назвать «тяжелой русской красотой». Тяжесть слышна в подневольных, равнодушных, хоть и старательных, исполнительных струнных. Оркестранты честно «отоваривают» партии, и случаются даже моменты воодушевления. Но при изумительных тембрах отдельных солистов часто страдает ансамбль и групповая интонация. На записи оставлены неточные вступления струнных, которые дружно наваливаются вслед за лидером. Хорошая звукорежиссура показывает даже лишние подробности вроде фальшивых флейт в «Полете валькирий».

Странно, но в целом всегда хорошо слышны духовые (особенно полнозвучная медь). Они красуются на первом плане, а струнные как-то незаметны, они всегда только туттийное заполнение — даже там, где их хотелось бы услышать (как в появлении Вотана перед валькириями). Игра оркестра неровна: есть сильные, цельные куски (вступление), есть мало-вразумительные (сцена Зигмунда и Зиглинды во II акте). То слушателя вдруг сносит напором звука, то в музыке возникает необъяснимая задумчивость, пропадает всякое движение, царят аморфность и бесцветность. Возможно, это результат того, что запись была сделана в три приема: в июне 2011-го, феврале и апреле 2012 года.

Гергиев, явив свой фирменный ураганный натиск в паре хитовых эпизодов (во вступлении, в «Полете валькирий»), в остальном действует осторожно: прибегает к штампам, известным, одобренным традицией приемам, воссоздает конвенциональную оперную ткань. Он предлагает продукт: вот так, пряча оркестр, надо аккомпанировать певцам, так выдавать оркестровые соло, так делать концовки номеров. Получается что-то весьма похожее на оперу. Это попытка соединить шероховатые глыбы Шолти с высеченными из аттического мрамора звуковыми формами Караяна, собрать все наиболее удачные исполнительские приемы. Ведь заявленный продукт обязывает.

В результате — довольно крупного помола воспроизведение партитуры с технически близким к совершенству звучанием. Гергиев ведет материал большими кусками, длинными даже не дыханиями, а движениями, разделами, и внутри этих разделов временами достигает подлинной устремлен-

ности и драйва. Маэстро тут в своей стихии: напор, сила внушения. Он здесь мастер среднего плана, художник тутти и остинато. При этом страдают как детали, так и архитектура формы. Однако кто в Вагнере будет заботиться о форме? Как сказал раздосадованный Ницше: «Вагнер — выдающийся миниатюрист». После прослушивания записи «Валькирии» можно, пожалуй, сказать так и о Гергиеве.

Всеволод Митителло